

УДК 130.2

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВЛАСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Представлен анализ эволюции дискурса по проблеме современной власти в направлении изменений технологий информационной власти в условиях глобализации. Исследуется проблема развития новых технологий формирующейся информационной власти в условиях глобализации.

Ключевые слова:

Власть, глобализация, «мягкая власть», антиглобализм, коммуникация, идентичность, манипулирование.

Key words:

Authority, globalization, «soft power», antiglobalism, communication, identity, manipulation.

Информационные технологии, трансформируя пространство современного мира, вызывают целый ряд изменений во всех областях социальной и культурной жизни. Процессы информатизации фиксируют поворот исторического времени, воплощающийся в появлении новой цивилизации, нового чувства истории, нового понимания развития человечества. Такое направление развития предопределяет обращение к глобальному сообществу как главному субъекту эволюции цивилизации. Возможно, в определенном смысле процессы глобализации и информатизации выражают эволюцию современной цивилизации в направлении формирования всемирной политики. В границах глобального экономического пространства возникает глобальное политическое пространство [1. С. 148]. Ряд политических философов и политологов утверждает, что государство теряет компетентность, легитимность и власть, характерные для ведущего агента в мировых связях, и уступает место более комплексному «...пост-интернациональному универсуму, характеризующемуся разнообразием и смешанной политикой» [2].

Для постиндустриального универсума характерны проблемы формирования глобальной власти и глобальной ответственности. По мнению К. Брауна, термин «сверх-власть» имеет некоторое архаическое звучание в эпоху глобализации, но он может быть актуализирован в контексте концепции «мягкой власти» («*soft power*») или в понимании важности военной власти в переоценке других форм власти. Исследователи обсуждают изменение природы власти в настоящее время: власть превращается в сеть, становится ризоматической скорее, чем иерархической, создается и поддерживается не атрибутами, например, насилием, военной властью, экономическим производством, но людьми, работающими и потребляющими в глобальной экономике. Из-за изменившейся природы власти современная империя не похожа на иерархические империи Викторианской эпохи [3]. «В этой империи власть США очень важна, в совокупности с гражданской властью, представленной корпора-

тивным капиталом элит, многие из которых являются американскими, но это не специфически Американская империя в конвенциональном смысле этого термина, это и не Америка как государство. Можно провести ключевую аналогию с Римской империей, власть которой базировались на Римских легионах» [4. Р. 14].

Власть, понимаемая в этом смысле не может быть проконтролирована и не имеет определенного места дислокации, она вездесуща и создается не только силами, официально ее поддерживающими, но и силами, которые выступают против нее: «... многие из «героев» антиглобализма, которые борются за создание глобального гражданского общества, и мультикультуралисты, которые провозглашают «различие», на самом деле создают и поддерживают империю, которая состоит из неиерархических сетей [4. Р. 15].

Формирование глобальной власти, основанной скорее на сетях, чем на иерархии, вводит в философский и политический дискурс проблему становления и развития новых форм власти. Одной из таких форм является информационная власть, которая формируется в контексте коммуникативного пространства современной информационной цивилизации.

В XXI в. изменился статус коммуникации и коммуникативных технологий: широко распространенный термин «взрыв коммуникаций» означает перенос акцента на управление, организацию коммуникативных процессов. Становление категории «коммуникация» в качестве одной из базовых для социальной теории привело к возникновению термина «коммуникативная онтология социальной реальности» как реальности, которая может быть интерпретирована в качестве коммуникативной сферы самоорганизующихся социокультурных форм и паттернов, коммуникативное пространство которых исследуется в работах Ю. Хабермаса.

Обращение к проблеме роли медиа-систем в процессе формировании информационной власти предполагает обращение к проблеме новых технологий формирования сознания, которые спо-

способны заменить традиционные механизмы работы с сознанием (конфессиональные, этно-национальные, культурно-исторические, государственные) нетрадиционными механизмами. Исследователи (Н.В. Громыко, Б.С. Кара-Мурза, В.Н. Порус) говорят о ситуации, в которой исчезающее «Я» уступает место безликому индивиду; информационные технологии используются как технологии политические; политические технологии ставят под сомнение человеческую индивидуальность: чем отличается одно манипулированное сознание от другого? Под сомнение ставится не только политический строй, но и человек, взамен которого выступает «человеческий материал», формируемый и манипулируемый не в меньшей степени, чем в тоталитаризме. Опасность не в самих информационных технологиях, а в ситуации, когда нарастание информационной плотности выдается за наступление новой культуры: информации становится все больше, а духовность истончается.

Теоретики подчеркивают, что СМИ преобразовываются в «четвертую власть», «внесистемную» и негосударственную. Манипулирование не присуще одной или нескольким областям общества, оно распределяется, по определению Н.С. Автономовой, – везде, по принципу градации форм и степеней.

Западные аналитики (Э. Гидденс, З. Бауман) отмечают, что порожденный рекламой виртуальный мир порождает распад идентичности как антропологическую стратегию СМИ XXI в. Новые антропологические типы: «фланер», «игрок», «турист», «бродяга» З. Бауман определяет как выражение аполитичности. Исчезновение гражданина и замена его потребителем – катастрофа мира, монтируемого СМИ.

Проблему взаимодействия информационной власти и массы исследует Э. Канетти, выделяя главные элементы образа человека и общества (масса, власть, смерть, выживающий), исследуя процесс перераспределения властных функций в пользу новых субъектов власти – власти информационной.

Анализируя влияние СМИ на политический процесс, западные исследователи выделяют следующие подходы, характеризующие воздействие масс-медиа на политический процесс: роль СМИ как средства влияния на граждан (П. Бурдьё); альтернативный подход, рассматривающий СМИ как инструмент, передающий информацию, но не затрагивающий политических интересов человека (П. Лазарсфельд). Исследователи выделяют две технологии влияния СМИ на политический процесс: конструирование политической реальности и виртуализация политического процесса (Э. Денис, Д. Мерил).

Большое значение в процессе формирования информационной власти имеют информационные войны. Проблематика информационных войн исследуется в работах Т. Розана, Т. Стоуньера, Ф. Уэбстера, Б.И. Пружинина и др. В них отмечается, что

возникающие в конце XX – начале XXI вв. информационно-коммуникативные технологии являются отражением происходящей глобальной информационной революции, в процессе которой информация приобретает статус глобального ресурса. Информационная война как целостная стратегия, в результате которой формируются информационно богатые и информационно бедные страны, ориентирована на все возможные факторы уязвимости, а также на использование информации в различных конфликтах. Характеристики информационной войны: стимуляция обсуждения, многоканальное воздействие, ориентация на однородные группы, информационная агрессия. Информационная война включает в себя коммуникативные действия по изменению массового сознания. Структура информационной войны также детально исследуется по двум направлениям: технологическая составляющая, направленная на разрушение технических систем связи и коммуникаций, и интеллектуальная составляющая, оказывающая воздействие на сознание людей (гуманитарное вторжение). Исследователи выделяют характерную особенность российского информационного пространства: наличие внутренних информационных войн, подразделяющихся на информационные войны между олигархами, между властью и олигархами, между властью и оппозицией, а так же информационные войны, инспирированные противостоянием разных сегментов власти.

В работах Б.И. Пружинина, Н.В. Громыко проводится анализ понятия «консциентальное оружие» как инструмента информационной войны, направленного на уничтожение устойчивой системы мировоззренческих ценностей и замену их симулякрами, что приводит к уничтожению родовой и культурной памяти. Ряд исследователей (Б.С. Кара-Мурза, Е.Е. Пронина, Н.В. Громыко) считает, что в XXI в. возникает необходимость противостояния консциентальному оружию: необходимо создавать специальные образовательные пространства, в рамках которых можно формировать альтернативные средства и способы работы, способствующие противоборству потенциала консциентального оружия.

Еще одна из современных форм распространения политического влияния, в основе, которой лежит концепция мягкой власти» (*soft power*) Дж. Ная, это PR-революции. «Мягкая власть» как инструмент влияния более эффективна, поскольку она базируется не только на репрессивных механизмах воздействия (насилии, экономической и военной мощи), но и на не-репрессивных механизмах влияния, на использовании политических, культурных ценностей вместо принуждения. PR-революции хорошо приживаются в условиях гражданского общества. Организационные и пропагандистские структуры PR-революционеров являются гибкими, приспособленными к окружающей среде, способными перетекать из одного в другой, менять приемы и методы деятельности.

На основе предпринятого анализа исследовательской литературы по проблеме функционирования и особенностей технологий информационной власти в условиях глобализации можно сделать следующие выводы. Медиа-технологии, конструирующие разнообразные миры виртуального сознания, создают основу для реализации манипулятивного потенциала информационной власти, особую роль, в процессе осуществления которой играют политические коммуникации в формах побуждения к действиям и блокирования действий. Манипулирование сознанием с помощью масс-медиа, используемых как инструмент информационной власти пронизывает все социальные сферы и детерминирует процесс функционирования общества.

Новые технологии работы с сознанием, основанные на медиа-технологиях, заменяют традиционные механизмы формирования сознания, что приводит к разрушению идентичности; появлению нового антропологического типа, фиксирующего превращение человека в «человеческий материал», формируемый и монтируемый масс-медиа в условиях информационной власти. Различные политические варианты информационной манипуляции

открывают безграничные возможности манипуляции массовым сознанием.

Информационная война как целостная стратегия имеет всепроникающий характер в пространстве современной политической культуры, она ориентирована на все возможные факторы уязвимости, возникающие в зависимости от информации, а также на использование информации в различных конфликтах. В условиях глобализации возрастает роль информационных войн как фактора мировой политики.

PR-революции представляют собой современную форму распространения политического влияния, распространение демократии, ориентированной на сознание «толпы» и управление «толпой» как основным элементом общественных связей. Создаваемый масс-медиа виртуальный мир идей и ценностей, заменяющий мир реальных идей и ценностей, создает новые технологии манипуляции массовым сознанием.

Проблема становления и развития медиа-технологий информационной власти в условиях глобализации приобретает особое значение, так как медиа-технологии превращаются из средства проектирования изменений в политической культуре в средство формирования текущих изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коробейникова Л.А. Глобализация: Концептуальные изменения дискурса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 2 (3). – С. 144–152.
2. Ferguson V.H. Remapping Global Politics. History's Revenge and Future Shock. – Rutgers University, New Jersey and Ricked W. Mossback, Towa State University, 2004. – 380 p.
3. Hardt M., Negri A. Empire. – Cambridge, M.A.: Harvard University Press, 2000. – 240 p.
4. Brown C. Do Great Powers Have Great Responsibilities? Great Power and Moral Agency // Global Society. – 2004. – V. 18. – № 1. – P. 12–19.

Поступила 22.11.2010 г.